

После бешеной скачки, длившейся полночи, преследователей сзади наконец поубавилось, и Цзюнь Лань с людьми догнал их. Цзян Юань слегка расслабился.

Но тут же он услышал, как Цзюнь Лань с тревогой спросил:

— А Люй, ты ранен? Почему у тебя вся спина в крови?

Цзян Юань резко обернулся и с гневом воскликнул:

— Ты ранен? Почему не сказал мне? Говори же!

— Сказать тебе — только напрасно волновать. Разве заставить всех остановиться и остаться перевязывать мою рану?

Из-за потери крови у Цзюнь Люя слегка кружилась голова. Он просто прислонился к спине Цзян Юаня и тихо, спокойно произнес эти слова.

— Ты... — Цзян Юань был в ярости, но не мог не признать, что слова Цзюнь Люя были правдивы.

— Хватит спорить. Сначала вытащите стрелу из спины А Люя, обработаем рану и двинемся дальше, — Цзюнь Лань вовремя остановил Цзян Юаня. Времени у них было мало, и каждая секунда была на счету.

Лицо Цзян Юаня стало еще мрачнее:

— Раньше... это ты прикрыл меня от стрелы?

— Не то чтобы специально прикрыл тебя... — Цзюнь Люй, лежа на спине Цзян Юаня, говорил слегка приглушенно. — Я просто... нечаянно не увернулся...

Тон Цзюнь Люя был предельно непринужденным, словно он вовсе не спасал Цзян Юаня.

Но Цзян Юань прекрасно понимал, что Цзюнь Люй не мог не увернуться. Он просто не стал этого делать. Если бы он увернулся, стрела попала бы в него. Цзян Юань не знал, откуда у него такая уверенность, но он точно знал, что Цзюнь Люй сделал это намеренно.

Осторожно помогая Цзюнь Люю слезть с лошади, Цзян Юань увидел его рану и снова изменился в лице. Оказалось, что наконечник стрелы был с зазубринами.

— Эту стрелу... можно вытащить? — с сомнением спросил Цзян Юань.

Если бы это был обычный наконечник, его можно было бы выдернуть, остановить кровь и перевязать рану. Хотя у них не было военного врача, но люди, постоянно живущие на грани, умели обращаться с ранами.

Но стрела с зазубринами — это уже другая история. Если вытащить ее силой, можно вырвать кусок мяса вместе с кожей, что приведет к ужасным последствиям. Нужно было аккуратно вырезать наконечник, и сделать это мог только опытный человек. Поэтому Цзян Юань и задал этот вопрос.

Один из телохранителей, умевший обращаться с ранами, осмотрел рану Цзюнь Люя и покачал головой:

— Сейчас стрелу вытаскивать нельзя. У нас нет лекарств и спирта, трудно остановить кровь, и можно занести инфекцию. Нужно добраться до Яоаня. Но я могу обрезать древко стрелы.

Чувствуя, как рука Цзян Юаня, держащая его, стала влажной от пота, Цзюнь Люй слегка улыбнулся, хотя улыбка вышла не самой красивой:

— Хорошо, что попало не в тебя. Иначе, когда будут вытаскивать, ты бы точно заревел в голос...

— Хватит, не говори. Улыбаешься хуже, чем плачешь.

Видимо, из-за потери крови губы Цзюнь Люя побледнели.

Увидев, что рану пока нельзя обработать, Цзюнь Лань сразу же сказал:

— Тогда не будем терять времени. Сначала доберемся до Яоаня.

Ван Аньюань был на грани отчаяния и хотел их смерти. Если бы не то, что местные чиновники и гарнизон были независимы, Цзюнь Лань и его люди уже не имели бы пристанища в Ичжоу. Ведь только его смерть могла спасти этих чиновников.

— Ты сможешь? Если почувствуешь себя плохо, обязательно скажи мне, — тихо спросил Цзян Юань. Он боялся, что Цзюнь Люй не дотянет до Яоаня.

Цзюнь Люй собрал все силы и с легкой усмешкой ответил:

— Не волнуйся. Обещаю, что в Яоане буду живым и здоровым. Не позволю тебе остаться вдовцом.

— Болтун! — Цзян Юань сердито посмотрел на Цзюнь Люя, но в душе немного успокоился. Если он еще может шутить, значит, его состояние неплохое.

Хотя они сделали лишь короткую передышку, как и предполагал Цзюнь Лань, те, кто хотел их уничтожить, не сдавались. Независимо от того, могли ли они победить, люди, пытающиеся их остановить, шли волна за волной, не прекращаясь.

Но Цзюнь Люй уже почти ничего не замечал. Он полулежал в объятиях Цзян Юаня, слыша вокруг себя шум, но не имея сил понять, что происходит.

На самом деле, то, что Цзюнь Люй еще не потерял сознание, уже было проявлением сильной воли.

Неизвестно, сколько времени прошло, но Цзюнь Люй смутно услышал, как кто-то зовет его. Он хотел ответить, но горло было сухим и скрипучим, и он не мог издать ни звука. Он хотел открыть глаза, но веки будто стали неподъемными.

Цзюнь Люй хотел просто заснуть снова, но голос звучал так тревожно, с легкой дрожью, и он не смог остаться равнодушным, хотел что-то сказать, чтобы успокоить его.

Наконец, Цзюнь Люй с трудом открыл тяжелые веки, и первое, что он увидел, были красные, как у кролика, глаза Цзян Юаня.

Цзюнь Люй почувствовал одновременно боль и смех, хотел что-то сказать, но Цзян Юань вдруг отвернулся.

Кто-то вокруг говорил что-то вроде «он очнулся, и это хорошо», но Цзюнь Люй не разобрал. Он был слишком слаб, едва открыл глаза и снова заснул.

Цзюнь Люй снова проснулся ночью. В комнате было темно, масляная лампа на столе едва горела, а у кровати кто-то сидел, склонившись. Цзюнь Люй не мог разглядеть, но инстинктивно понял, что это тот, кто за ним ухаживал, и тихо произнес:

— Воды...

Тот спал неглубоко, услышав голос, сразу встал, поправил лампу и принес чашку теплой воды.

У автора есть что сказать:

Извините, что два дня не было обновлений, просто за эти два дня произошло слишком много событий.

Позавчера днем, около четырех часов, когда я печатал текст дома, я вдруг услышал сильный шум внизу. Рядом с нашим районом находится начальная школа, в четыре часа начинается время выхода учеников, обычно в это время довольно шумно, и я не обратил на это внимания. Но звук внизу становился всё громче и слабнее, мне показалось, что что-то не так, я прислушался и понял, что кричат «Пожар!», «Люди с верхних этажей, скорее выходите!», кричали прямо под нашим домом. Я немного опешил, схватил сумку и выбежал на улицу, даже не переодевшись из пижамы и не сменив тапочки. Сумка была пустая, телефона, ключей и кошелька в ней не было. Выбежав на улицу, я увидел, как из соседнего дома валил густой дым, а огонь с балкона шестого этажа уже перебрался на седьмой. У меня в голове всё помутилось, на автомате я захлопнул дверь и только потом вспомнил, что надо было взять ключи и телефон. Поскольку дверь уже была заперта, я просто спустился вниз. Внизу была толпа: кто-то просто смотрел, кто-то кричал, чтобы люди выходили, кто-то звонил или снимал видео, а кто-то бежал отключать электричество и газ. Я вдруг вспомнил, что не сохранил документ на компьютере, но ничего не мог поделать — без ключей и телефона я не мог вернуться. Пожарные еще не приехали, и хотя горел не наш дом, я переживал, что может случиться взрыв газа, поэтому оставался внизу. Огонь разгорался всё сильнее. В той квартире недавно сделали ремонт, балконы с обеих сторон были застеклены, закаленное стекло расплавилось и с треском посыпалось вниз, попадая в навесы нижних этажей и на припаркованные машины. Когда приехали пожарные, я одолжил телефон и позвонил тете. Позже пожар потушили, но электричество и газ не восстановили, сказали, что нужна проверка. Я пошел ужинать к тете и вернулся домой очень поздно. Мы живем на четвертом этаже, и из кухни как раз видно ту квартиру — у них двухуровневая квартира, огонь начал полыхать в гостиной на шестом этаже и перекинулся на седьмой. Из нашей кухни на фоне темноты были видны два черных балкона. Я выбежал в такой спешке, что не успел сохранить документ, и из-за отключения электричества потерял несколько сотен слов. К тому же меня сильно напугало — это был самый близкий ко мне пожар за всю жизнь. Особенно в самом начале, когда не было понятно, какой дом горит, только слышны крики и виден дым снаружи, я правда испугался до дрожи, весь в холодном поту, поэтому позавчера я не писал. Вчера я написал немного, но мне показалось, что текст не очень, да и объема маловато, поэтому я не стал публиковать, планируя выпустить пораньше сегодня. Кто бы мог подумать, что сегодня дома отключили интернет, сказали, что проводятся профилактические работы на сети, с обеда до вечера. Поэтому обновление задержалось до сих пор. Прошу прощения~